

УДК 94(571.17):343.264(=162.1)"1830/1860"

ПОЛЬСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА в 1830 – 1860 годах

А. Н. Ермолаев

POLISH POLITICAL EXILES IN KUZBASS TERRITORY IN 1830 – 1860

A. N. Ermolaev

Статья посвящена польским политическим ссыльным, отбывавшим наказание на территории современного Кузбасса в 1830 – 1860-х гг. Автором установлены численность и районы размещения польских ссыльных, а также условия их жизни и быта в ссылке.

The paper is devoted to Polish political exiles serving sentences in the territory of modern Kuzbass in 1830 – 1860. The author determined the number and placement areas of the Polish exiles, as well as their living conditions and life in exile.

Ключевые слова: политическая ссылка, История Кузбасса, польские восстания XIX века.

Keywords: political exile, Kuzbass history, Polish revolts in the 19th century.

Ссылка как вид наказания, связанный с принудительным выселением человека из места жительства и водворением его в отдаленной местности, сформировалась в России в XVI – XVII вв. Однако в тот период она носила исключительный и персональный характер. Массовый характер она приобрела во второй половине XVIII века, когда императрица Елизавета Петровна указами от 25 мая 1753 г. и 30 сентября 1754 г. заменила «натуральную» сметную казнь ссылкой и каторгой [7, с. 838 – 839; 8, с. 235 – 236]. Позднее указом от 13 декабря 1760 г. императрица наделила помещиков правом самостоятельно ссылать крестьян в Сибирь вместо передачи их в рекруты [9, с. 582 – 584]. Через несколько лет после этого на Кольвановоскресенских и Нерчинских заводах скопились сотни каторжных. Потребность в рабочих руках на казенных заводах была полностью удовлетворена. Более того, стала сказываться нехватка продовольствия для ссыльных. Поэтому именными указами от 25 сентября 1761 г. и 22 января 1762 г. «колодников» и «каторжных» запрещено было селить при Кольвановоскресенских и Нерчинских заводах, а распределять их вдоль дорог и на военных укрепленных линиях [10, с. 789 – 790; 11, с. 891 – 892].

В 1822 году при участии М. М. Сперанского были разработаны и приняты «Устав о ссыльных» [12, с. 433 – 469] и «Устав об этапах в сибирских губерниях» [13, с. 469 – 486]. Уставы стали своеобразным кодексом сибирской ссылки, объединившим в себе все ранее существующие нормы и правила по вопросам принудительного удаления преступников. «Устав о ссыльных» определял, что ссылка может быть двойной: на каторжные работы и на поселение. В ссылку могли отправить только по решению судебных инстанций. Впервые создавались специальные органы управления ссылкой. В Тобольске был организован Приказ о ссыльных, а в каждом губернском городе были созданы Экспедиции о ссыльных. Вводились некоторые нормы снабжения ссыльных продуктами и одеждой. Правда, вскоре после введения в действие «Устава о ссыльных» некоторые положения были изменены. Так отдельными указами к середине XIX века фактически была восстановлена ссылка в административном порядке, то есть без суда по распоряжению властей.

Согласно существующему тогда законодательству судебные инстанции могли направить на каторжные работы или на поселение как уголовных, так и политических преступников. Со времени учреждения Тобольского приказа о ссыльных уголовная ссылка приобрела достаточно стабильный характер. Ежегодно в Сибирь ссылали от 8 до 10 тыс. уголовных преступников. Политическая ссылка была тесно связана с всплесками политической или национальной борьбы в Российской империи. После каждого массового антиправительственного выступления в Сибирь отправлялись сотни или тысячи политических ссыльных.

После подавления польского восстания 1830 – 1831 гг. в Сибирь было сослано несколько тысяч поляков. Большинство из них была причислена к Сибирскому казачьему войску и размещена на укрепленных линиях. В течение многих лет в самом Царстве Польском продолжались аресты неблагонадежных лиц. Среди них были и римско-католические священники. Известно, что в 1839 г. несколько ксендзов за хранение возмутительного содержания бумаги, невольнительную переписку и преступные речи были арестованы и сосланы в Сибирь. Среди них был А. Анкудович. Он был направлен в Кузнецк под строгий надзор полиции. В течение десяти лет с 1840 г. по 1850 г. он отбывал ссылку в Кузбассе. Известно, что он ходатайствовал о дозволении заниматься какой-либо службой для «снискания себе пропитания». Его корреспонденцию просматривали, а присланная ему из Полоцка посылка была возвращена обратно. В 1850 г. ему разрешили переселиться в Томск, где он служил викарием [5, с. 404].

В 1864 году в сибирскую ссылку стали направлять участников польского восстания 1863 – 1864 гг. В Сибири оказались около 20 тыс. поляков. Как установил Б. С. Шостакович, в учете ссыльных была полная неразбериха. Так, из отправленных в Восточную Сибирь 10 тыс. человек реально в Иркутск прибыло всего 6 тыс. Как выяснилось позже, около 3 тыс. человек вопреки решениям Тобольского приказа о ссыльных были распределены в Западной Сибири [20, с. 254 – 272].

К такому наплыву ссыльных местные власти оказались не готовы, перегруженность Тобольского приказа о ссыльных приводила к тому, что не хватало

кормовых и путевых денег, этапные учреждения не справлялись со своими обязанностями [16, с. 29 – 30]. Принять большое количество ссыльных на местах также было довольно сложно, власти вынуждены были размещать ссыльных в пределах Алтайского округа, куда ссылка была запрещена законами 1761 и 1762 гг.

Для наблюдения за политическими ссыльными тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович составил секретную инструкцию, одобренную генерал-губернатором Западной Сибири. Согласно этой инструкции полиция обязана была следить «за поведение и образом мыслей высланных лиц», всеми средствами пресекать любые попытки, направленные на распространение «вредного общественному порядку учения». В то же время полиция должна была «облегчать по возможности те затруднения, которые встречаются для лица, поселяющегося в чужой и незнакомой ему местности» [16, с. 32].

По официальным данным в Томской губернии оказалось 5918 человек [16, с. 29]. Размещены они были неравномерно, ссыльных водворяли как в сельской местности, так и в городах. Большую часть приняли селения Каинского округа (2152 человека). Затем следовал Мариинский округ (1395 человек). На последнем месте – Томский округ (1225 человек) [17, л. 39 – 40]. Остальные округа губернии были освобождены от размещения ссыльных. Однако кроме сельской местности политические преступники были водворены в городах. В общей сложности по городам было размещено около 1 тыс. человек. Причем, если в селениях, расположенных на землях Алтайского горного округа, поляков не водворяли, то для городов было сделано исключение. Ссыльные оказались в Барнауле, Бийске, Кузнецке и др. городах.

Первая партия ссыльных прибыла в Мариинск уже в 1864 г. Из 1395 ссыльных поляков, размещенных к 1866 г. в Мариинском округе, большая часть оказалась в Дмитриевской (623 человека) и Колыонской (539 человек) волостях. Намного меньше поляков оказались в Баимской (69 человек) и Боготольской (164 человека) волостях. В самом Мариинске на этот же год числилось 118 человек [18, с. 80, 82, 88]. В Кузнецке в это же время было размещено 87 человек. Размещенные в сельской местности и городах поляки делились на способных к самостоятельному хозяйству и неспособных (меньшинство), а также детей и женщин, следующих за осужденными [17, л. 39, 42].

Многие из сосланных польских политических преступников были дворянами, государственное преступление их квалифицировалось как «участие в шайке мятежников» или помощь «мятежникам». Именно с такой формулировкой в 1866 г. в Мариинск прибыли Иван Богуцкий, Габриэль Завадский, Казимир Домпковский, братья Иосиф и Яков Мацкевичи, Александр Монкевич, Антон Бобрик, Вацлав Гукинский, Антон Садзевич, Павел Рокоша, турецкий подданный Абрам Альтентан, Феликс Подгорский, Викентий Малицкий и др. Были среди польских политических ссыльных и священники. Бывший викарный Юлиан Кельпш был сослан в Мариинск «за участие в мятеже и возбуждении прихожан к мятежу, сбор кре-

стьян пред приходом и личном присутствии при чтении в костеле революционного воззвания» [2, л. 138 – 140, 187 – 190; 3, л. 77 – 78, 97 – 98, 100 – 101, 148 – 149, 160 – 163].

В Кузнецке оказались братья Ландсберги, Конюшевский, Кухарский, Феликс Альбертович Ковальский и др. Некоторые прибыли с семьями. Например, Михаил Еринович поселился в Кузнецке с женой Екатериной, детьми Константином, Амалией, Юлией и матерью жены Анной Домбровской. В Кузнецке даже оказалась ссыльная полячка, принимавшая участие в восстании, Юлия Стефановичева с дочерьми Анастасией, Алабиной и Королиной. Большинство сосланных в Кузнецк поляков были шляхтичами (польскими дворянами). Некоторые владели различными ремеслами. Шляхтичи получали небольшой ежемесячный паек, а остальные зарабатывали себе на хлеб ремеслом [5, с. 407, 412].

По воспоминаниям Е. Берви, часть ссыльных поляков объединились в Кузнецке в небольшое товарищество, в которое входило около 30 человек. Возглавил его ссыльный шляхтич Гудович. Каждый из членов товарищества имел свои обязанности, распределенные в соответствии с их способностями и умениями. Поляки обзавелись своим хозяйством: наняли дом, купили корову и кур, посадили огород. Более того, они организовали ловлю рыбы сетями и охоту на зайцев в окрестностях города. В результате у них всегда были свои продукты, и даже оставалось свободное время. Вечерами они часто делились воспоминаниями, главными из которых были польские события 1863 – 1864 гг., пели польские песни, рисовали карикатуры, ставили различные сценки из спектаклей [1, с. 129 – 133].

Ссыльные поляки оказали большое влияние на жизнь тихого провинциального Кузнецка, так как они «принесли с собой невиданное в этой глуши искусство и неизвестные до того ремесла. Все кинулись заказывать себе сбрую, мебель, экипажи, даже картины и изящные вещи. Стали устраивать праздники с необычалою до этого роскошью, выписывали музыку». Ссыльные поляки стали также инициаторами устройства в Кузнецке домашних спектаклей, сформировался небольшой кружок любителей драматического искусства. Большинство жителей города относились к ссыльным полякам сочувственно [5, с. 407, 412].

В связи с большим наплывом польских политических преступников местные полицейские власти не справлялись со своими обязанностями. В октябре 1864 г. томский губернатор ходатайствовал о выделении дополнительно несколько десятков нижних чинов полиции для размещения их по селам и городам губернии. В течение последующих двух лет численность нижних чинов полиции в Западной Сибири была увеличена на 183 человека. В 1867 г. дополнительно было командировано еще 166 человек. Все они поступали в распоряжение полиции из военного ведомства. При этом делался расчет, чтобы на каждого нижнего чина полиции в городе приходилось 5 политических ссыльных. В результате в Мариинске дополнительно разместили 31 нижнего чина полиции, в Кузнецк прибыли 16 человек [17, л. 190 – 193].

По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири нижних чинов полиции размещали в кварталах, где проживали ссыльные. Они должны были нести постоянный «бдительный надзор» за преступниками, посещать каждого из них, отвращать от вступления в брак с местными жителями и т. д. Городничим выделялись ежегодно 150 рублей «на секретные расходы». Эти деньги тратились в основном на перлюстрацию писем и наем «тайных агентов», которые внедрялись в среду политических ссыльных и доносили об их деятельности [17, л. 26 – 31 об., 194 – 195, 259].

Усиление полиции было ненапрасным. Польские политические ссыльные даже в Сибири не оставляли свои революционные замыслы. В январе 1865 г. в Красноярске была раскрыта тайная организация польских ссыльных, возглавляемая активным участником восстания Иосифом Ратынским. Он был сослан на каторжные работы сроком на 20 лет, но документы его оказались утеряны и восстановлены со слов самого осужденного. Разумеется, вместо подлинного наказания он объявил, что сослан на поселение и был оставлен в Красноярске. Еще двигаясь по этапу в Сибирь, Ратынский сумел создать небольшую группу единомышленников, ставивших цель поднять восстание. Вскоре его организация расширилась и окрепла. Была даже намечена дата восстания – март 1866 г. Причем выступление должно было произойти сразу в нескольких городах Сибири. Для этого в Тобольске, Томске, Омске, Мариинске и Канске были назначены руководители восстания. Отряд мариинских повстанцев должен был возглавить ксендз Келпач. Для связи с ним в город был отправлен ближайший помощник Ратынского Иосиф Шленкер. Однако полиция уже знала о его намерениях, и за ним была установлена слежка. Недалеко от Красноярска он был арестован. После этого полиция получила новые сведения о подготовке восстания. Оказывается, ссыльные поляки общались между собой посредством шифрованной переписки, они составили инструкцию для восстания на польском языке, подготовили прокламации на русском языке и собирались изготовить фальшивые деньги. Одним из главных пунктов их тайных встреч оказался город Мариинск [19, с. 557 – 559, 562 – 565]. После раскрытия заговора главные его организаторы Иосиф Ратынский, Павел Ляндовский, Николай Серно-Соловьевич и др. были арестованы.

В 1865 г. в Томске и Тобольске ссыльные поляки создали тайную организацию, связанную со столичным обществом «Ад». Это общество, созданное саратовским разночинцем Н. А. Ишутиным, ставило себе цель убийство императора. В него входил и известный впоследствии бывший студент Д. В. Каракозов, стрелявший в Александра II. Тайное польское общество в Сибири было раскрыто полицией в 1866 г. Два главных организатора Антон Бонасевич и Генрих Вашкевич были посажены в разные тюрьмы: первый – в Томске; второй – в Омске. В тюрьме к каждому из них подсадили провокаторов, с помощью которых удалось узнать фамилии некоторых участников организации. Оказалось, что среди них были ссыльные поляки, проживающие в разных местах Сибири. Были среди них и лица, отбывающие наказание в Кузнецке.

В результате в сентябре и октябре 1866 г. в Томск и в Кузнецк был направлен жандармский штабс-капитан Халтурин, который провел многочисленные обыски. В Томске была создана следственная комиссия, которая выяснила, что участники тайной организации занимались агитацией и «рассчитывали растревожить престопадобие пожарами и другими бесчинствами» [19, с. 610 – 611]. В ходе обысков были изъяты тысячи бумаг, написанных на польском языке. Однако у полиции было очень мало квалифицированных переводчиков, поэтому многие документы так и не были переведены [16, с. 40 – 41]. Вероятно, заподозренные в противоправительственной деятельности ссыльные были переведены в другие места для отбывания ссылки.

В том же 1866 г. полиция раскрыла в Санкт-Петербурге заговор, целью которого было освободить из нерчинской каторги Н. Г. Чернышевского. Заговорщики имели обширные связи с политическими ссыльными как в Западной, так и в Восточной Сибири. Согласно полученной полицией информации в Сибирь должен был отправиться один из заговорщиков. Там он должен был вступить в связь с несколькими ссыльными поляками, среди которых был Казимеж Кухарский, отбывающий наказание в Кузнецке. Кухарский являлся студентом Петербургского университета, в 1861 г. он участвовал в студенческих демонстрациях, затем в 1863 г. сражался в отряде Зыгмунта Сераковского, действовавшего на территории Ковенской губернии. К заговору были причастны еще несколько ссыльных поляков, в том числе Виктор Гриневич, отбывающий ссылку в Томске и доктор Вышинский, находящийся в Тобольске. У арестованных организаторов заговора были изъяты бумаги на русском языке с написанными между строк симпатическими чернилами тайными записями на польском [19, с. 596 – 597, 703]. По всей вероятности, после раскрытия заговора Кухарский был переведен из Кузнецка в другое место.

Местные власти неохотно размещали польских ссыльных на землях Кабинета. Появление их в Кузнецке было нарушением существующего законодательства и произошло в результате того, что их просто негде было водворять. Поэтому администрация старалась как можно быстрее сократить численность или вообще выселить поляков из пределов кабинетских земель. В течение 1867 – 1868 гг. многие польские ссыльные были переведены из Кузнецка в другие города, в том числе в Мариинск. Так в Мариинске оказались выселенные из Кузнецка Доминик Жук, Георгий Коссиловский, Андрей Кржижановский, Эдуард Котович, Урбан Торгонский, Викентий Юстинович и др. [6, с. 156, 159, 160, 171, 174].

Несмотря на все строгости властей, польские политические преступники чувствовали себя в ссылке довольно вольготно. Многие из них свободно перемещались не только по всей губернии и Сибири, но и самовольно покидали место ссылки и возвращались на родину. Губернские власти не могли собрать с них установленные законом налоги, поскольку не знали где искать сосланных политических преступников. В марте 1870 г. Главное управление Западной Сибири попыталось изучить ситуацию. Оно обратилось в гу-

бернские правления с запросом о состоянии польских ссыльных, их статусе в местах причисления и сборе с них налогов [4, л. 53, 55].

В июле 1870 г. мариинский мящанский староста Шадчин представил специальный отчет о польских политических ссыльных. Оказалось, что около половины всех сосланных на самом деле в городе не проживали. Шадчин составил специальную ведомость о поляках, находящихся в «неизвестной отлучке». В «черном списке» оказались 50 ссыльных, из них 14 человек были сосланы в 1864 г., 20 – в 1865 г., 8 – в 1866 г. и 8 – в 1867 г. В конце списка мящанский староста честно признался: «означенным политическим ссыльным на отлучку увольнений выдаваемо не было, податей и повинностей взыскиваемо не было, а также пособий им выдаваемо не было, и где означенные лица находятся мне не известно» [4, л. 57 – 60].

Возвращение на родину в Царство Польское политических ссыльных началось уже в 1867 г. Указом от 17 мая Александр II распорядился прекратить все следственные дела, касающиеся восстания 1863 – 1864 гг., а всех обвиняемых освободить. Сосланным в Сибирь в административном порядке позволялось ходатайствовать о возвращении в Царство Польское. Если местные власти одобряли ходатайство, то

ссыльные имели право вернуться на родину [14, с. 792 – 793]. Указом от 25 мая 1868 г. царь даровал прощение всем участникам польского восстания, которые на момент осуждения имели возраст менее 20 лет (кроме осужденных на каторжные работы). Они получали право возвратиться на родину. Кроме того, значительно облегчалась участь сосланных по суду: некоторые категории ссыльных получали право приписываться к сельским и городским обществам с восстановлением прав и преимуществ; каторжные освобождались от работ и причислялись к поселенцам и т. д. [15, с. 648 – 649].

В связи с массовым возвращением в Царство Польское политических преступников в марте 1870 г. все меры по усилению полиции, принятые в 1866 г., были отменены. Все нижние чины полиции были возвращены к местам их воинской службы. Кстати, к этому времени из Кузнецка как города, находящегося на землях Кабинета, были выведены все польские политические ссыльные [17, л. 245 – 246 об., 249 – 249 об.]. В Мариинске же по сведениям Л. П. Рошевской в 1871 г. еще числилось 92 человека [18, с. 88]. В течение 1870-х гг. большая часть участников польского восстания 1863 – 1864 гг. вернулась на родину, хотя некоторые остались жить в Сибири навсегда.

Литература

1. Берви Е. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 7 – 8. С. 127 – 142.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 66.
3. ГАКО. Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАКО. Ф. Д-44. Оп. 1. Д. 149.
5. Никулина И. Н. Польская политическая ссылка на Алтай в XIX в. // Сибирская ссылка. Вып. 6(18). Иркутск, 2011. С. 400 – 425.
6. Никулина И. Н. Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.). Барнаул, 2004. 176 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Соб. 1-е. Т. 13. № 10101.
8. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 14. № 10306.
9. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11166.
10. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11331.
11. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 15. № 11414.
12. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 38. № 29128.
13. ПСЗРИ. Соб. 1-е. Т. 38. № 29129.
14. ПСЗРИ. Соб. 2-е. Т. 42. № 44601.
15. ПСЗРИ. Соб. 2-е. Т. 43. № 45898.
16. Ремнев А. В. Польская ссылка и западносибирская администрация (1863 – 1868 гг.) // Общественное движение и культурная жизнь Сибири (XVIII – XX вв.). Омск, 1996. С. 29 – 43.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 25. 1864 год. Д. 1556.
18. Рошевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века. Тюмень, 1976. 141 с.
19. Русско-польские революционные связи. Т. 2. М., 1963. 812 с.
20. Шостакович Б. С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Вып. 3(15). Иркутск, 2006. С. 254 – 272.

Информация об авторе:

Ермолаев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, заведующий лабораторией истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН, доцент кафедры отечественной истории КемГУ, al-ermolaev@yandex.ru.

Alexey N. Ermolaev – Doctor of History, Head of the Laboratory for the History of Southern Siberia, Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Science; Assistant Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.